

*Вряд ли я смогла бы написать книгу о сестрах,
не посвятив ее своей собственной сестре,
Жаклин.*

*Однако сразу хочу заметить:
эта история совсем не похожа
на историю наших с Жаклин отношений!*

Глава 1

Бывает, что нам холоднее всего не в разгар зимы — когда изо рта вылетает пар, ноги немеют от холода, а пальцы мерзнут и деревенеют. Бывает, что нам холоднее всего в тепле собственного дома, в окружении семьи.

Я лежу в кровати — не в своей; это точно. Матрас жестковат, нет привычной мягкости. Я нерешительно вытягиваю пальцы и слышу слабый шелест хлопка по полиэтилену. Непромокаемый матрас, делаю вывод.

Чувствую тяжесть одеяла. В нем тоже нет уютной фибровой мягкости. Я укрыта чем-то увесистым и совсем не пушистым. Высвобождаю палец, провожу по ткани. Тот же накрахмаленный хлопок, что и подо мной. А тяжесть — от шерстяного одеяла поверх простыни. Я заключаю с собой маленькое пари: одеяло синее. Чуть поразмыслив, перестраховываюсь. Оно синее или зеленое... возможно, белое. В последнее время я часто перестраховываюсь. Нет, одеяло определено в клетку. Точно, в клетку.

Честно держу глаза закрытыми.

За дверью слышны неразборчивые голоса снующих туда-сюда людей. Звук то нарастает, то стихает — словно волна накатывает на берег.

Ноздри впитывают легкий запах антисептика, смешанного со сладковатым духом стерильности. Так и есть, я в больнице.

В воздухе витает еще один аромат. Его я знаю очень хорошо. Аромат лосьона после бритья, с пикантной ноткой морской свежести. Я купила его мужу в прошлом году, на нашу годовщину: восемь лет брака. Лосьон дорогой, но денег я не жалела. Я никогда не жалела денег на Люка. Название — «Навеки». Довольно ироничное, как оказалось. Теперь непонятно, буду ли я покупать подарок Люку в этом году. И в будущем тоже.

— Клэр? Клэр, ты меня слышишь? — звучит у самого уха голос Люка. — Ты проснулась, Клэр?

Не хочу разговаривать с мужем. Я не готова. Не знаю почему, но что-то подсказывает — не отвечай. Пальцы Люка обхватывают мои, сжимают. Мне нестерпимо хочется отдернуть руку. Странно. Но я не отдергиваю. Лежу без движения.

Слышу, как открывается дверь, как по линолеуму шлепают пробковые подошвы.

— Мистер Теннисон? — зовет тихий голос. — Пришел полицейский. Хочет с вами поговорить.

— Как, сейчас?

— Он хотел поговорить и с миссис Теннисон, но я сказала, что пока нельзя.

Рука Люка соскальзывает с моей, ножки кресла с визгом скользят по полу.

— Спасибо, — произносит Люк.

Они с медсестрой выходят. Он, видимо, не плотно закрыл дверь — я четко слышу разговор.

— Детектив-констебль Филлипс, — представляется полицейский. — Простите, что беспокою, мистер Теннисон. Мы надеялись

допросить вашу жену, но медсестра сказала, что миссис Теннисон еще не пришла в себя.

— Да, не пришла, — с вызовом отвечает Люк.

Я мысленно вижу его: голова гордо поднята, плечи расправлены. Он всегда так выглядит, когда отстаивает свои права. Когда мы спорим.

— Возможно, вы сумеете нам помочь.

— Попробую.

Теперь в его голосе звучит легкое раздражение. Тем, кто не знает Люка, оно вряд ли заметно. Я же с недавних пор слышу это раздражение часто; чаще, чем хотелось бы.

— В каком расположении духа была ваша жена? Что послужило толчком ко вчерашнему... происшествию? — произносит Филлипс.

Происшествию? Какому происшествию? Я пытаюсь вспомнить, о чем говорит полицейский, но напрасно. Меня отвлекает голос мужа:

— Расположении духа?

— Настроении. Была ли миссис Теннисон счастлива? Грустна? Озабочена? Встревожена?

— Я в курсе, что означает «расположение духа», — обрывает Люк.

Сейчас раздражение в голосе мужа слышно отчетливо, и я представляю, как он хмуро смотрит на детектива — *мол, я тебе кто, идиот какой-нибудь?*

Я ныряю в глубины собственной памяти, рыскаю там — что же я вчера чувствовала? Грусть, злость, страх — их выбрасывает к берегам сознания одновременно, но причину я определить не могу.

Люк молчит. Видимо, размышляет. Он, безусловно, хочет дать правильный ответ. Если верить мелкой зыби на поверхности моей памяти — ответ, который может сыграть против меня.

Они возвращаются — пока не воспоминания, а ощущения. И не по капле, а волнами. Первой всплывает злость. Интересно, не о ней ли думает сейчас Люк? Не о моем ли упрямстве? Как же он назвал меня во время последней ссоры? Ах, да, точно — *психопатка чертова*. Расскажет ли муж об этом детективу? Если да, то объяснит ли, что именно превратило меня в «чертову психопатку»?

— Клэр... В последнее время ей было нелегко, — наконец говорит Люк. — Много всего навалилось.

— А именно? — уточняет Филлипс.

— Клэр тяжело давались перемены в личной жизни.

Это, видимо, завуалированное «не твое собачье дело».

Мысли мечутся. Какие еще «перемены в личной жизни»? Что, черт возьми, произошло? Почему я в больнице?

Ответ приходит не сразу. Сначала в палату вползает дурное предчувствие, подбирается к моей кровати, окутывает тело. Мне холодно, по рукам бегут колючие мурашки. Случилась беда. Я что-то сделала — нечто ужасное, и мое сознание блокирует эти воспоминания. Настолько ужасное, что оно противоречит самой моей сути.

Я, Клэр Теннисон, — хороший человек. У меня успешная карьера: я партнер в адвокатской конторе «Карр, Теннисон и Эггар». Я заботливая дочь своей матери, Марион. Я нежная и преданная мать Хлои и Ханны. Я любящая и участливая жена Люка. Я член школьного правления, в конце концов. Клэр Теннисон не поступает плохо.

Откуда же тогда страх и чувство вины? Что я наделала?

Не хочу, чтобы следующее мгновение наступило. Оттягиваю его, замедляю время, прячусь от неизбежного. Уж лучше жить в страхе, даже самом невыносимом, чем знать, что я натворила.

Бах!

Все вернулось. Я помню, что именно я сделала, вижу отчетливо, будто смотрю сквозь прозрачное стекло.

Вижу свои руки на руле — я еду домой. Стрелка спидометра скачет вверх-вниз, стрелка тахометра то падает, то взлетает — я переключая передачи, лавирую узкими улочками. Боковым зрением улавливаю мелькание смутных пятен: живые изгороди, деревья. Все размытое, точно акварельный пейзаж.

Ее я замечаю не сразу. Прямо перед собой. Почему раньше не увидела? Сейчас разгар дня. Солнце не слепит мне глаза, дождь не туманит стекло. Обзор прекрасный, никаких помех. Она возникла из ниоткуда. Выросла перед самым автомобилем. Я кричу. Бью по тормозам. Визжат покрышки, вгрызаются в асфальт. Я дергаю руль влево, пытаюсь объехать. Слишком поздно.

В памяти отчетливо и неумолимо всплывает звук глухого удара, резко накатывает тошнота. Сейчас меня вырвет. Вместо этого я исторгаю звук. Он зарождается глубоко-глубоко внутри, в животе. По пути к горлу выкручивает мне душу и вырывается наружу — воплем неприкрытой боли. В ней столько ярости, что слезам места нет. Тело мое невольно сжимается, как эмбрион.левой рукой двинуть невозможно — мешает гипс, но правая накрывает забинтованную

голову, будто меня ждет аварийная посадка на обреченном самолете. В руке стоит катетер, там что-то тянет, потом дергает.

...Суэта вокруг. Медсестры. Одна успокаивает — участливо, но твердо; все, мол, будет хорошо. Другая строго велит не сопротивляться — я выдернула капельницу, я могу себя поранить. И голос Люка. Громкий, но нежный.

— Ну-ну, малыш, — уговаривает он.

Давно я не слышала этого ласкового прозвища. Вот так же Люк утешал наших девочек: когда Хлоя плакала над разбитой коленкой; когда Ханна узнала, что зубной феи не существует.

— Все хорошо, — твердит муж. — Ты в порядке. Все наладится, вот увидишь.

Я хочу ему верить. Очень хочу, но как? Ведь я совершила ужасное преступление! Тело вновь выгибает дугой, из груди вырывается очередной стон-рыдание.

Последнее, что я помню, — ощущение холодной жидкости, которая течет мне в руку, бежит вверх по вене, жжет и щиплет. Тело обмякает, окружающий мир гаснет, а мысли уплывают — туда, откуда начался этот кошмар.

Глава 2

Шестью неделями ранее...

В первое мгновение мне кажется, что вставать на работу не надо. Что сегодня ленивое летнее воскресенье. Стоит поздний сентябрь, но солнце упрямо греет воздух. Легкий свежий ветерок колышет кисейные занавески. Я люблю спать с открытым окном — это дает ощущение свободы.

Однако сознание медленно пробуждается, и на меня всей тяжестью наваливается реальность. Нет у меня никакой свободы. Особенно сейчас, накануне дня рождения сестры.

Я лгну к спящему Люку, ищу поддержки в прикосновении к другому человеку. Смотрю на часы и громко вздыхаю — сегодня понедельник! Протягиваю руку, отключаю будильник. Зачем я его программировала? В последние дни будильник мне не нужен, ведь сон со мной больше не дружит.

Я думаю о маме. Подошел сентябрь, и с каждым днем она все дольше смотрит на календарь, молча отмечает время. Чем ближе к двадцать восьмому числу, тем сильнее мамина тревога. Еще сорок восемь часов. Мне пора бы привыкнуть к ритуалу. Все-таки ему уже двадцать лет — чуть ли не вся моя жизнь. Однако чувства, которые ежегодно пробуждает эта дата, всегда застают меня врасплох. Чем старше я становлюсь, тем больше и полнее ощущается потеря сестры, тем острее и глубже рана. Мне больно и за себя, и за маму.

Я столько лет мечтала о возвращении Элис... Мечтала не только из сочувствия маминому горю, но из эгоизма тоже: вот бы черная туча, нависшая над нами, наконец исчезла! В детстве я не хотела быть сестрой девочки, которую отец повез в Америку да так и не вернул, или дочерью матери, убитой горем. Я хотела быть Клэр Кеннеди. Хотела нормальной, обыкновенной семьи.

Я до сих пор этого хочу.

Через полчаса нужно начинать военную операцию по сбору девочек в школу и детский сад. Я прижимаюсь к мужу. Он часто помогает мне избавиться от печалей и тревог — вби-

рает их, впитывает, и тогда мои чувства текут свободно, ничто их не сдерживает.

Люк шевелится, я кладу на него руку, нежно обнимаю. Мы прожили восемь лет в браке, родили двоих детей, но не наскучили друг другу. Люк поворачивает голову, целует.

— Доброе утро, малыш, — с закрытыми глазами произносит он и вновь отворачивается. — Спокойной ночи, малыш.

— Эй, дружок, куда это ты? — шепчу я, опускаю руку ниже, притягиваю его к себе.

Люк открывает один глаз, смотрит на часы.

— Господи, Клэр, только половина, черт возьми, шестого.

— Ну и ладно... — Я отмечаю его возражения поцелуями.

Люк улыбается и открывает второй глаз.

— Нет, так нечестно!

Он сгребает меня в охапку, и я ненадолго забываю обо всех проблемах реальной жизни.

— Как у нас дела? — спрашивает мама, входя в кухню.

Мы с Люком торопливо готовим завтрак, по очереди его едим и подсказываем девочкам, что делать. Конечно, семилетняя Ханна уже многое умеет сама, ее только нужно подбадривать. А вот трехлетняя Хлоя требует более активного родительского участия.

Мы живем с моей матерью, Марион, в том самом доме, где я выросла. Мы переехали к ней, когда Люк еще был непризнанным художником, а я только окончила университет и получила первую работу в адвокатской конторе.

Кое-кто скажет, что Люк и по сей день остается непризнанным художником. Под «кое-кем» я подразумеваю маму. Хотя замечу в ее оправдание — она весьма снисходительна.

С рождением девочек нас в доме стало пятеро. Хорошо, что «Приют викария», где мы обитаем, достаточно вместительный: у мамы есть собственная гостиная, а у Люка — студия в пристройке.

— Ну что я буду слоняться одна по такому большому дому, глупо ведь, — сказала мама, когда семья увеличилась. — Да и цены на недвижимость возле Брайтона жуткие. К тому же мне не помешала бы компания. Девочки будут расти у меня на глазах, а вы получите бесплатную няню.

Мама была права. Ее аргументы звучали разумно и весьма практично, но мы обе знали правду. Я никогда не перееду.

Из-за того, что произошло.

Да и, честно говоря, вряд ли я смогла бы. Люк хотел, чтобы мы купили дом, накопили собственные воспоминания. Даже если бы моя душа поддержала идею мужа, разум не позволил бы ее осуществить. Я не в состоянии оставить маму одну.

— Нельзя быть заложницей того, что произошло еще в детстве, — однажды ночью сказал Люк. Мы уже легли, и муж последний раз попытался меня переубедить.

На самом деле можно. Я всегда знала, что так оно и будет. Единственный вариант не быть заложницей — возвращение Элис.

— Иди ко мне, Хлоя, — говорю я, поднимая дочь с игрового коврика. — Пора за стол.

Доброе утро, мама.